

Г.Н. ГЕОРГИЕВ. Българо-албански политически отношения (1908–1915). София, 2019. 468 с.

Г.Н. ГЕОРГИЕВ. Болгаро-албанские политические отношения (1908–1915)

DOI: 10.31857/S0869544X0008122-7

В 2019 г. в Софии вышла книга болгарского исследователя, сотрудника Института исторических исследований БАН и Македонского научного института Георгия Георгиева, посвященная болгаро-албанским политическим отношениям в 1908–1915 гг. Георгиев — не первый болгарский автор, обращающийся к данной теме, однако вводимый им в научный оборот обширный комплекс ранее не публиковавшихся источников болгарского происхождения позволяет по-новому взглянуть на недостаточно изученные ранее страницы взаимоотношений между двумя балканскими народами и государствами в начале XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают крайне динамичный и насыщенный событиями период в истории Балканского полуострова от Младотурецкой революции до вступления Болгарии в Первую мировую войну. Как указывает автор, именно этот политически турбулентный период, когда болгарский и албанский национальные вопросы оказались связаны тугим узлом, стал основополагающим для современной истории болгаро-албанских политических отношений (с. 416).

Г.Н. Георгиев отмечает, что Младотурецкая революция, как и последовавший за ней режим младотурок, впервые сформировали потенциал болгаро-албанского сотрудничества, который, как с сожалением отмечает автор, так и не был использован до конца. Так, например, уже с первой главы, посвященной проектам болгаро-албанского

соглашения в 1908–1912 гг., автор заставляет задуматься о том, что известный нам сценарий Балканских войн, инициированных Балканским союзом, сердцевиной которого было болгаро-сербское соглашение 1912 г., не был безальтернативным. Г.Н. Георгиев, в частности, ссылается на «особо секретное» письмо штаба болгарской армии, направленное 4 декабря 1908 г. (по ст. ст.) в Министерство иностранных дел и исповеданий, в котором предлагалось при выборе вероятного союзника для предстоящей войны против Турции остановиться не на сербах, а на албанцах. Подписавшие письмо военный министр генерал Д. Николаев и начальник штаба армии генерал А. Назлымов, чуть ранее участвовавшие в составлении оперативного плана войны против Сербии, угрозу со стороны которой, по их мнению, следовало элиминировать до решающей схватки за Македонию, настоятельно рекомендовали министру иностранных дел Стефану Паприкову приступить к дипломатической подготовке болгаро-албанского политического союза, имевшего бы как антитурецкую, так и антисербскую и антигреческую направленность (с. 19–20). Ответ от С. Паприкова пришел лишь в марте 1909 г., и он был отрицательным. Подробно развернутые главой дипломатического ведомства объяснения невозможности болгаро-албанского союза, по мысли Г.Н. Георгиева, символизировали «не только очередное расхождение между военной и политической элитой болгарского государства, но и глубокий

раскол в обществе по вопросу о роли албанского фактора в македонском вопросе» (с. 21). По мнению автора, каким бы рискованным ни представлялся союз с неорганизованным албанским движением, он все же мог предоставить Болгарии дополнительную страховку в преддверии решающей борьбы за Македонию, тогда как ставка политического руководства Болгарии исключительно на классическую дипломатию, договорные отношения с традиционными партнерами и арбитраж русского императора имела своим завершением национальную катастрофу для болгар.

Справедливости ради следует отметить, что Г.Н. Георгиев уделил внимание в том числе и анализу готовности самого албанского общества к эвентуальному союзу с Болгарией в 1911–1912 гг. Вывод его и здесь неутешителен — если не брать в расчет активность крайне узкой прослойки национально ориентированной албанской интеллигенции, преимущественно из христиан, и локальное сотрудничество албанских и болгарских чет в юго-западной Македонии в 1908–1912 гг., никаких реальных потребностей в союзе с Болгарией накануне Балканских войн не было ни у населения эллинофильской православной Албании, ни у албанских католиков северной части страны, ни тем более у албанских мусульман, требовавших лишь восстановление традиционных привилегий и не помышлявших ни о разрушении Османской империи, ни о разрыве со своим верховным падишахом-халифом в Стамбуле (с. 52–57). Иными словами, албанское классическое национальное движение, на сотрудничество с которым рассчитывали болгарские военные, революционеры и политики, если и существовало в начале XX в., то лишь в самом зачаточном состоянии. Контакты, переговоры и даже договоренности болгар с его немногочисленными представителями широко освещались в прессе, будоражили воображение болгарской общественности, но практически не имели никакого отзвука в самой Албании, находившейся во власти совсем других сил, далеких от принципов и логики национального возрождения.

Повествование Г.Н. Георгиева поэтому наводит читателя на мысль, возможно и вопреки замыслу самого автора, о том, что сотрудничество между такими разными и далекими друг от друга субъектами

балканской политики, как албанцы и болгары, могло быть лишь вынужденным, временным и тактическим, вызванным некой общей внешней угрозой. Такие конъюнктурные обстоятельства действительно сложились после Первой балканской войны, когда в результате успехов сербской армии ею была оккупирована значительная территория, населенная албанцами и болгарами. Оказавшись друзьями по несчастью, болгары и албанцы начали искать пути сближения. Наибольшую инициативу в этом, как и ранее, проявили болгарские военные и руководство Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО) (с. 92–93, 103–104), тесно сотрудничавшей к тому моменту с болгарской армией и военной разведкой. Сформированное в Валоне (Влëре) временное правительство Албании во главе с Исмаилом Кемалем также зондировало возможность албано-болгарского сближения и координации действий в отношении Сербии (с. 99–102, 107–111). Однако, как указывает Г.Н. Георгиев, политическое руководство Болгарии в лице русофильских кабинетов Ивана Гешова и Стояна Данева вновь отказалось проявить гибкость, не желая разыгрывать неизвестную и ненадежную албанскую карту и до последнего надеясь на силу международных договоров, подписанных с официальными союзниками (с. 99, 104, 112, 118–119, 418). Попытка болгарских военных и революционеров использовать албанский фактор хотя бы для организации дополнительной диверсии против Сербии и Греции так же не увенчалась успехом (с. 112–113, 117). Кроме того и Сербия, заблаговременно заручившись поддержкой лидера Центральной Албании Эссада-паши Топтани, сумела устранить угрозу болгаро-албанского союза и обезопасить свой тыл (с. 105–106, 170). В итоге во Вторую балканскую войну Болгария вступила без дипломатической подготовки и без единого союзника.

Спустя три месяца ситуация почти зеркально повторилась с мощным албанским восстанием против Сербии, которому на этот раз не в силах была уже прийти на помощь поверженная и обессиленная Болгария. История подготовки и проведения осеннего восстания 1913 г. в Косове и западной Македонии подтверждает, что албанцы и болгары слышали, но не слушали друг друга, действуя параллельно, но все же

каждый сам по себе. Г.Н. Георгиев, в частности, убедительно доказывает непричастность официальной Болгарии к восстанию ни в материальном, ни в организационном плане. Так, например, даже командированный в Албанию из Софии под видом корреспондента болгарский разведчик майор Димитр Атанасов, в задачи которого входило ознакомление болгарского правительства с ходом восстания, прибыл на место назначения уже к его завершению (с. 158).

Иначе дело обстояло с остававшимися в юго-западной Македонии и Албании четниками и воеводами ВМОРО, которые не раздумывая примкнули к восстанию, поднятому албанцами, и смогли мобилизовать часть болгарского населения. Г.Н. Георгиев убедительно опровергает утвердившееся в историографии представление о восстании, как вторжении на сербскую территорию заранее подготовленных албанских отрядов, возглавляемых австро-венгерскими и болгарскими военными специалистами. Приводимые им свидетельства убеждают читателя в обратном — восстание оказалось преждевременным, неподготовленным и стихийным, а участниками его стало прежде всего местное албанское и болгарское население, не готовое смириться с «чуждым, одинаково неприемлемым для обоих национальных общностей, агрессивным и враждебным к ним режимом» (с. 139). Болгарские крестьяне совместно с албанцами приняли участие в овладении Дебром, Стругой и Охридом, а в сформированных на освобожденных территориях повстанческих органах власти болгары были представлены наравне с албанцами (с. 142–152).

Вместе с тем Г.Н. Георгиев признает, что совместные действия в период восстания не могли искоренить «вековой антагонизм между болгарам и албанцами в Западной Македонии». В частности, он привел неединичные свидетельства розни между ними, проявлявшейся по ходу восстания. Так, в Дебрском районе албанские вожаки с недоверием смотрели на местных болгарских крестьян, воспринимая их как близких к сербам гяуров. В юго-западной Македонии после отступления сербских войск различные банды из албанских сел принялись за грабежи и бесчинства по отношению к своим болгарским соседям, сводя с ними старые счеты, а пришлые албанские отряды отказались

подчиняться болгарскому революционному руководству. В то же время, после возвращения сербской власти в Дебр многие болгарские крестьяне из окрестных сел приняли участие в разграблении албанских кварталов города (с. 165–168, 194, 205). Признание же автором расхождения политических задач восстания у албанцев и болгар (с. 164–165, 168) и вовсе превращает их сотрудничество во временную и неустойчивую конструкцию.

Тем не менее, восстание придало ускорение переговорам официальной Болгарии как с правительством Исмаила Кемалья, так и с турецкими властями. Принципиально новым фактором стало включение в переговорный процесс ВМОРО, которая отныне выступала посредником и даже локомотивом в контактах официальной Софии с албанскими и турецкими властями. Г.Н. Георгиев подробно освещает переговоры между ВМОРО и Младотурецким комитетом, которые осенью 1913 г. завершили подписанием секретного соглашения о координации подрывной деятельности двух организаций в Македонии (с. 217–227). Целью совместной борьбы было провозглашено достижение автономии Македонии «на основе принципа национальностей» и под протекцией великих держав, что можно было расценить как успех болгарской стороны. Однако платой за достижение этого компромисса стали согласие болгар на включение всей территории бывшего Салоникского вилайета в турецкую «оперативную зону» (с. 227–233) и отказ от северо-западной Македонии, которая должна была отойти в албанскую сферу влияния. De-facto, таким образом, продолжение борьбы за Македонию вновь было оплачено болгарским согласием на очередной раздел самой Македонии, на этот раз уже между Албанией, Турцией и Болгарией.

Албания заняла особое место в концепции совместной болгаро-турецкой борьбы против сербского и греческого присутствия в Македонии. В частности, план болгарского проникновения в Албанию был подробно изложен в более чем амбициозном проекте, составленном в конце 1913 г. членом ЦК ВМОРО Александром Протогеровым на имя премьер-министра Болгарии Василя Радославова. Проект предусматривал экономическое проникновение Болгарии в Албанию, колонизацию этой страны

болгарскими беженцами и переселенцами из Македонии и формирование широкой церковной и национально-культурной автономии болгар на ее восточных границах (с. 266–267). Таким образом Болгария и ВМОРО получили бы внушительную базу для подрывной деятельности в сербской Македонии. Данные, приводимые Г.Н. Георгиевым свидетельствуют в пользу того, что проект был одобрен болгарским правительством и с конца 1913 г. в основных чертах начал реализовываться.

Механизм осуществления проекта, подробно воспроизводимый Г.Н. Георгиевым, символизировал новую концепцию болгарской внешней политики, утвердившуюся после первой национальной катастрофы. Сердцевиной этой концепции стало тесное взаимодействие официальных структур Болгарского государства с ВМОРО. Так, например, кандидатура майора Димитра Атанасова, возглавившего осенью 1913 г разведывательную деятельность Болгарии в Албании, была предложена Центральным комитетом ВМОРО и утверждена Военным министерством Болгарии. Д. Атанасов, пользовавшийся авторитетом среди революционных активистов, являлся к тому же еще и боевым товарищем и единомышленником А. Протогеровова, выступавшего в 1913–1914 гг. главным связующим звеном ЦК ВМОРО с болгарским правительством и дворцом. Контакты Д. Атанасова с Министерством иностранных дел Болгарии и ВМОРО осуществлялись через его близкого приятеля Симеона Радева, занимавшего в то время должность болгарского посланника в Бухаресте (с. 267–268). В сравнительно сжатые сроки Д. Атанасов при помощи активистов ВМОРО и местного болгарского населения сумел обустроить в восточной части Албании два секретных канала связи с Македонией – через Поградец по направлению к Охридскому району и через Голо Брдо по направлению к Дебрскому району. Под его руководством были сформированы и так называемые пограничные пункты, в задачи которых входил сбор разведывательной информации, а в перспективе и организация диверсионных акций на территории Македонии (с. 270). Апогеем болгарской активности в Албании в короткий промежуток времени между Охридско-Дебрским восстанием и Первой мировой войной стала деятельность специально направленной

из Болгарии «церковно-школьной миссии», которая, по согласованию с албанскими властями, должна была подготовить открытие в Албании болгарской экзархийской митрополии, располагавшей сетью школ и общин, прежде всего на границе с Македонией. Г.Н. Георгиев убедительно иллюстрирует тот факт, что все кандидаты на участие в этой ответственной миссии были подобраны или одобрены ВМОРО и только после этого утверждены болгарским правительством. В Албании участники миссии действовали в тесном взаимодействии с болгарским посланником Т. Павловым и воеводой ВМОРО Гр. Ошавковым, исполняя при этом возложенные на них революционной организацией задачи по установлению контактов с албанскими национально ориентированными активистами (с. 361–366, 420).

Особого внимания заслуживает завершающая часть работы Г.Н. Георгиева, посвященная главным образом международному аспекту албанского вопроса. Автор справедливо подчеркивает, что Болгария в 1913–1914 гг. являлась единственным, если не считать Австро-Венгрию, балканским государством, выступающим в поддержку албанского национального движения и рассчитывающим на укрепление албанской национальной государственности (с. 331–374). Особые надежды в этом плане возлагались на перспективы албанской национальной консолидации, которая, казалось бы, должна была последовать за избранием на албанский престол нейтральной кандидатуры Вильгельма Вида. Однако и болгарский фактор, и национально ориентированные силы внутри Албании, и поддержка со стороны Австро-Венгрии оказались слишком слабыми, чтобы удержать молодое государство от хаоса и анархии. Деструктивные факторы оказались более влиятельными и успешными. К последним Г.Н. Георгиев уверенно относит политику младотурок в Албании.

Младотурецкий комитет, который в описанный период *de-facto* слился с турецким государственным аппаратом, являлся формальным союзником ВМОРО. Секретное соглашение двух революционных организаций предполагало совместную работу болгар и турок в Албании, которую следовало привлечь к ревизии Бухарестского договора 1913 г. Однако на практике пути двух союзников разошлись едва начавшись.

Младотурки готовы были воспринимать Албанию исключительно как форпост Османской империи на Адриатике, а в перспективе и как базу для потенциальной реставрации турецких владений в Румелии, поэтому отвергали любую возможность концентрации власти в Албании в руках национально ориентированных сил, отдавая предпочтение албанцам-туркофилам традиционного толка. Такая позиция была созвучна устремлениям Сербского королевства, так же не заинтересованного в формировании монолитного албанского национального государства на своих южных границах. В итоге политика Сербии и Турции, сравнительно быстро пришедших к взаимопониманию по Албании (с. 332, 352–353, 355–357), нашла общую точку соприкосновения в фигуре одиозного Эссада-паши Топтани, который благодаря финансовой и военной помощи со стороны Белграда и Стамбула смог претендовать на лидерство в стране.

Г.Н. Георгиев детально реконструирует фактическое сотрудничество Сербии и Турции в Албании, которое достигло апогея в период народного восстания против князя Вида. Белград и Стамбул в одинаковой степени оказывали помощь мусульманским повстанцам, которые действовали под турецкими знаменами, пели турецкий гимн и демонстративно заявляли, что не признают «никакой Албании» (с. 369–373, 389). По предварительной договоренности, сербские власти обеспечивали беспрепятственный транзит младотурецких активистов через Македонию в Албанию, снабжая их необходимыми документами. Младотурецкий комитет в Скопье активно сотрудничал с сербскими властями в вопросе пополнения повстанческого лагеря сербскими гражданами мусульманского вероисповедания (с. 390). Болгарская разведка доносила о том, что сербские и младотурецкие полевые командиры в Албании действовали плечом к плечу (с. 390–391). Удивительное единство при посредничестве сербов было достигнуто и в отношениях между мусульманскими повстанцами и православными эпиротами на юге Албании (с. 391–392). Лишними в данной мозаике оказались лишь болгары, положение которых в Албании к июлю 1914 г. стало критическим. На встрече с охридским окружным начальником Й. Кирковичем и командиром сербского пограничного полка

в Струге Ж. Митровичем в конце июня 1914 г. «верховный комендант» албанских повстанцев-туркофилов Кямил Хаджи Феца прямо заявил, что союзнические отношения между Младотурецким комитетом и ВМОРО были временными и неискренними в силу неискоренимой «ненависти между двумя народами» и памяти турок о «болгарских варварствах» в отношении мусульман. На этой и последующих встречах между местными младотурецкими и сербскими силами фактически был заключен антиболгарский пакт, предусматривающий полную ликвидацию болгарского присутствия в Албании (с. 392–393).

Малочисленная болгарская колония в Албании оказалась перед угрозой гибели. Ее скудные боевые силы, которые готовились к действиям в Македонии, в итоге были брошены на защиту режима князя Вида и проявили себя в героической, но обреченной обороне Берата от эпиротов и повстанцев-туркофилов (с. 388–389, 393). В течение июля и августа 1914 г., прежде чем вихри начинающейся Первой мировой войны вновь перетасовали карты албанской колоды, болгарские добровольцы вместе с представителями церковно-школьной миссии и последними болгарскими беженцами покинули Албанию, что символизировало крах болгарской политики на албанском направлении. Лишь интенсивные переговоры Болгарии с центральноевропейскими державами летом 1915 г. об условиях вступления в войну вновь возродили интерес официальной Софии к этому государству. Начинаясь новый период в истории болгаро-албанских отношений, теперь уже под знаком борьбы за персональную унию Болгарии и Албании, отражавшую «давнюю династическую мечту царя Фердинанда» (с. 407–411), но еще менее связанную с реальными условиями в Албании и возможностями Болгарии, чем прежние проекты.

Стоит обратить внимание на тот факт, что для отечественных специалистов книга безусловно будет интересна богатым фактологическим материалом, позволяющим внести дополнительную лепту в историю становления албанской государственности, внутривнутриполитической борьбы в Албании и международных отношений в регионе Западных Балкан в 1912–1915 гг.